

РАМИ ЮДОВИН

ВЕРБЛЮД



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Раши Юдовин

Верблюд. Сборник рассказов

«Автор»

2017

Юдовин Р.

Верблюд. Сборник рассказов / Р. Юдовин — «Автор», 2017

Юдовин Рами - автор работ по библейской истории, а также романа-притчи «Ветер в ладонях» - представляет сборник рассказов, созданных в жанре эссе. Рассказы заставляют задуматься не только о превратностях судьбы, но и о смысле бытия. Истории, как правило, ведутся от лица автора, которому иногда с недоумением, но веришь. Сквозь завесу юмора проступает драма. Именно неповторимое сочетание трагического и комического является особенностью произведений израильского русскоязычного литератора. Содержит нецензурную брань.

© Юдовин Р., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Галактический еврей у Плачущей Стены	5
Бой без правил	6
Беженцы	9
Ребе и рыба	12
Арабская Джульетта	13
Свежий ветер избранных пьянил	15
Йогурты	18
Верблюды	19
Бедуин	21
Замкнутое пространство	22
Тот, который не стрелял	24
Немного мазохисты	25
С нами Бог	27
За Зусмана и государство Израиль	28
Менталист	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Раши Юдовин

Верблюд. Сборник рассказов

Галактический еврей у Плачущей Стены

Недавно я сидел на скамеечке у моря и никого не трогал, даже в мыслях.

Подсаживается ко мне женщина старше бальзаковского возраста, в красной панаме, на которой уже отражались блики закатного солнца. На здоровье, пусть сидит, тем более скамеечка общественная, кто успел тот и сел.

«Надо уходить», – вздохнул я. У некоторых людей аллергия на цветочную пыльцу, а у меня на сильный запах сладковато-приторных духов.

А дама смотрит на меня так пристально и, можно сказать, дерзко.

Только собрался валить, как она спрашивает:

– Вы Раши Юдовин?

Удивился.

– Допустим. А что?

– Я читаю в интернете все ваши статейки и рассказы, – недовольно произносит мадам, как будто я ее заставляю это делать.

«Опаньки, – думаю. – Вот она – слава, хоть и очень подозрительная».

– Вы не обязаны читать, – я приготовился к обороне.

– Нет уж. Антисемитов надо знать, особенно тех, кто живет в нашей стране.

– Почему вы решили, что я антисемит? – спросил я, преодолевая рвотный рефлекс от эфирного масла с сильным запахом муската.

– Вы пишете гадости о раввинах, вы высмеиваете наши еврейские праздники, обычаи и традиции.

Удивляюсь еще больше. Но интересно послушать. Обычно женщины с запахом цветочных духов упрекали меня совсем в другом: что я первым не звоню, мусор не вовремя выношу, посуду за собой не мою, мало зарабатываю, но в антисемитизме обвинений не было. Может, потому что мои подруги были не совсем иудейками, но зато они тоже быстро кончали. Нет, не потому что страстные, как еврейки, а потому что русским бабам жаль мужиков. Впрочем, извините, отвлекся.

– Я вообще-то еврей, – заявляю твердо и по старой советской привычке оглядываюсь.

– Еврей? Вы наверно не галактический еврей!

Именно так она и сказала: «галактический» вместо «галахический».

– Вполне галактический, – отвечаю. – Даже можно сказать, космический.

– Не морочьте мне голову! – рассердилась дама. – Лучше поезжайте в Иерусалим, сходите к Плачущей Стене, и вы сразу поймете, что значит быть евреем.

– Плачущей? – я рассмеялся. – А ведь верно. Трамп недавно ходил к Стене, так ее после этого переименовали из «Стены Плача» в «Плачущую Стену».

– Почему? – настала очередь удивляться женщине.

– Видели записочку, которую Трамп вложил? Так это был счет за его визит. «Стена» теперь не плачет, а рыдает. Хотите автограф?

– Селфи! – угрожающе сказала мадам.

– Хорошо, – согласился я.

Главное, в этот момент не дышать. Ничего, выдержу.

Бой без правил

Май 2007 год. Таиланд. Провинция Чонбури.

Тренировочный лагерь по изучению боевых искусств был огорожен двухметровой красно-коричневой сеткой Рабица.

Морос стоял у ворот, в глаза бросилось изображение морды настороженного питбуля, готового к атаке.

Несмотря на 30-градусную жару, накрапывал дождь, густые тучи плотной завесой прятали небо.

Было немного тревожно, но отступить – не в правилах человека, решившего испытать себя, и он позвонил.

Дверь открыл приветливый охранник. Боец смешанного стиля протянул приглашение. Страж кивнул и указал, куда идти.

С двух сторон от чистеньких дорожек росли ярко-красные цветы, веерные листья пальм свисали над головой, ровно подстриженные газоны автоматически орошались круговыми дождевателями. Лишь издали доносившиеся звуки от ударов по боксерским грушам нарушали идиллию.

У входа в главный офис сидел обнажённый Будда, то ли приветливо, то ли предупреждающе приподняв руку. Рядом с ним кто-то поставил стакан с водой, чтобы водичка зарядилась энергией воздуха, солнца и бронзового изваяния.

«Две недели на подготовку, потом бой! Тренировки два раза в день по три часа. Жестко работать со спарринг-партнёрами – запрещено. За любые конфликты, драки – мы прогоняем спортсмена. Съёмка – запрещена. Проживание, питание, тренировки – бесплатно! Сегодня отдых, завтра с утра приступаете к занятиям».

Комната была выкрашена в раздражающий жёлтый цвет. Обстановка спартанская, с потолка свисал огромный вентилятор. Морос принял освежающий душ и лёг на кровать.

Он приехал не за деньгами. Даже если и выиграет бой, гонорар лишь окупит дорогу из Израиля в Таиланд.

Израильянин нуждался в перезагрузке и встряске. Он не знал, как выйти из тупика, в который его загнала жизнь, вернее смерть, которую он «приносил» безнадежным.

Немало онкологических больных на последней стадии не желают умирать в хосписе среди чужих людей. Они хотят видеть только близких перед смертью.

Морос приходил к ним домой, подключал капельницу с жидкостью через катетер не к руке, а к животу, чтобы не вызвать отека легких.

Тем, кто уже не мог выносить страданий, он давал заряженный морфием «дроппер» и предупреждал: «В случае сильных болей нажимать один раз на кнопочку, но ни в коем случае не двадцать раз. Иначе вы уснёте, хоть и безболезненно, но навсегда».

Больные намёк понимали и уходили в мир, в котором хотя бы нет боли. Сдавались не все. Вначале человек не верит, что всё кончено, продолжает цепляться за жизнь, да и перед родственниками неудобно. Они ведь переживают, подбадривают и борются вместе с обречённым, который уже не может терпеть боль.

Друг Мороса умирал от удушья, вызванного раком лёгких последней стадии. Наступала мучительная смерть. Больной судорожно пытался набрать воздуха, кислородная маска не помогала, морфий тоже. Он просил помочь, но Морос не смог. Однако всё объяснил.

Человек позвал жену и детей, подержал их за руки и попросил выйти из комнаты.

После похорон Морос решил, что не готов быть ангелом, пусть лёгкой, но смерти...

Завтрак в лагере состоял из ломтиков варёной курицы с овощами. Фрукты, соки, кофе – в неограниченных количествах.

И вот первая тренировка. Сначала отработка боксерской техники. В ринге несколько пар, возможные конкуренты недружелюбны, но сдержанны. Участники соревнования сосредоточенно работают с бойцами-волонтерами, которым позволено бесплатно жить и тренироваться на базе при условии, что им придётся побыть спарринг-партнерами. Тренеры – местные тайландцы, бывшие чемпионы по муай тай, они внимательно следили за процессом, иногда давали советы, кое-что показывали, корректировали.

Израильтянин самозабвенно бил по лапам, тяжелым грушам, боксировал со сменяющимися волонтерами, потом переходил в зал для борцов. Боец, чтобы выжить на чемпионате по боям без правил, обязан владеть всевозможными техниками.

Инструктор из академии Грейси провёл семинар по бразильскому джиу-джитсу и вале tudo. Если первая дисциплина из-за отсутствия постоянных активных действий перестаёт пользоваться успехом на ММА, то вторую часто применяют. Толпа требует зрелищ, за это она готова платить деньги и делать ставки на тотализаторе.

После тяжелейших физических нагрузок мрачные мысли и сомнения перестали мучить Мороса. Вот только нехорошие предчувствия его любимой женщины немного мешали. Она была категорически против авантюры, которую затеял уже относительно немолодой человек.

«Ничего! Только один бой! И сразу домой!»

Зал, примерно на двести мест, был переполнен. После объявления перечня достижений бойцов можно было делать ставки. По рядам пробегали букмекеры, собирали деньги и бумажки с именами.

Противник израильтянина был титулованным американским борцом вольного стиля. Выше ростом примерно на голову и весом на 25 килограмм больше. Ограничений по весу на полулегальных коммерческих боях нет.

Вольник пытался применить свои навыки, постоянно шёл на сближение в надежде сократить дистанцию. Несмотря на вес и мощные мышцы, удары его были недостаточно профессиональны. Израильтянин отстреливался боковыми свингами и уходил в сторону.

Американец пошёл вперёд, пропустил встречный удар, рассечение, рассвирепел и снова бросился в атаку, сбив Мороса с ног. Однако тот успел уйти в бок и не позволил вольнику подмять себя. Израильтянин обрабатывал его чувствительными ударами, пытаясь освободиться от захвата. Через 30 секунд, видя, что нет активных действий, судья поднял участников турнира.

Морос решил порадовать публику и сделать бой более зрелищным. Он стал наносить резкие прямые удары ногами, чтобы держать дистанцию, раскрыть противника и нанести удар рукой. Ему снова удалось попасть.

В бою важно постоянно менять тактику, не дать противнику привыкнуть к определённым действиям.

Американец понял, что терять ему уже нечего, закрылся руками, прошёл в ноги и, повалив Мороса, сверху стал наносить удары. Морос сумел замкнуть руки борца и попытался сбросить мощного противника. Но его ждал сюрприз, вольник вырвал руку и провёл захват шеи. Как только голова Мороса оказалась зажата подмышкой, боец рванул её в бок, раздался сильный щелчок. Израильтянин вырвался и поднялся на ноги. Несмотря на бурление адреналина в крови, он осознал, что серьёзно травмирован.

В момент опасности Морос умел включаться. Ещё одну атаку не пережить. На мгновение он собрался, энергия потекла в кулак и требовала выплеска. Уже празднующий победу американец сделал шаг вперёд, но не успел понять, что произошло: боец смешанного стиля сделал выпад и попал ему чуть ниже уха. Верзила рухнул в нокауте лицом вниз.

Воцарилась тишина. Морос, слегка шатаясь, пошёл в раздевалку. Средних лет тайландец, один из тренеров, одобрительно кивнул и протянул ему какой-то предмет.

«Возьми. Тебе сейчас это нужнее. Да хранит тебя Будда!»

Морос добрался до своей комнаты, смыл пот и лёг на кровать. Он понял, что позвонок повреждён. Надо отлежаться. Он сжал амулет и ушёл в медитацию.

Разбудил его звонок. «Ты в порядке?» – спросила любимая женщина.

«Вполне» – прошептал Морос. «Скоро увидимся».

Ему было больно, отнималась левая рука, левый глаз терял зрение. Но Морос был счастлив, теперь он точно знал, как дальше будет жить и что делать.

Беженцы

Египетская граница. 2008 год.

Вентилятор работал на полную мощность, но всё равно в маленькой комнате было душно. Я лежал на кровати и слушал через «MP3» аудиокнигу Стругацких «Трудно быть богом».

«Как тяжело оставаться человеком, если живёшь среди волков».

Шарав Африки принёс песок пустыни, поднял к небу и не опустил тяжёлую пыль.

От хамсина ныл, словно капризный ребёнок, висок. Боль вгрызалась в плоть, и я вышел на воздух.

Услышав разговор на повышенных тонах, подошёл к боевым товарищам. «Откуда они берут столько сил на крик и здоровье на сигареты?»

– Мы обязаны их принять! У нас приказ! – громко жестикулировал обычно спокойный лейтенант Гильад.

– Ты прав! – соглашался с ним Дан. – Если бы евреев пустили в Палестину, не было бы Холокоста.

Гросс, похоже, был против приёма беженцев.

– Вы хотите, чтобы половина Африки была здесь? Израиль слишком мал, чтобы всех вместить. Наши политики сошли с ума, а вместе с ними и вы!

– Они бегут от войны. Вот если бы нам помогли... – гнул свою линию человеколюбивый профессор биологии Дан.

– Большинство из них – экономические беженцы, – объяснял помощник депутата Кнессета юрист Саар. – Мы их не обязаны принимать, у нас с ними нет общей границы. В Египте у них пункт сбора, с которого бедуины переправляют их к нам.

– Рам! – Гросс подмигнул мне. – А что думает «русский»? Построить забор, установить пулемётные вышки? Границу на замок?

Все улыбнулись. В армии смеются даже от самых незатейливых шуток.

– Могу лишь высказать мнение галутного еврея, – сказал я.

«Два человека пришли к раввину, чтобы он разрешил их спор.

– Ребе, вот я говорю, что на небе луна.

– Ты прав, Хаим, – соглашается раввин.

– А я говорю, что месяц.

– И ты прав, Срулик, – снова соглашается ребе.

Ребецн кричит с кухни:

– Шлómo, так не может быть, чтобы все были правы!

– И ты права, жена моя!»

– Все правы, – протянул Гильад. – Помоги нам, пожалуйста. Нужно забрать беженцев. У нас людей не хватает.

Я кивнул, книгу дослушаю потом.

– Осторожнее с ними, – предупредил Дан, кстати, житель северного Тель-Авива. – Ни в коем случае не дотрагивайся до них. Африканцы могут быть больны лихорадкой, от которой даже у нас нет лекарств.

Интересные люди «северяне»; с одной стороны, признаются в любви к беженцам, а с другой – в свой престижный район их не пускают и за один стол с ними не сядут.

Хорошо, когда в автобусе есть кондиционер, который выдаёт прохладный воздух. Как наши праотцы выживали в пустыне без «кондея»? Не успел я развить мысль, как мы уже прибыли на место.

Фары осветили группу людей; человек двадцать уставших, немного напуганных, настороженных мужчин, женщин и детей. Они неуверенно переминались с ноги на ногу, ловили каждый наш жест.

Девушки украдкой бросали на нас взгляды, таившие загадку страстной и грациозной черно-алебастровой красоты.

Глаза некоторых мужчин мне не понравились: бешеные, как у дикого кота перед нападением на голубя.

Я первым вошёл в автобус и быстро сел на заднее сидение. Беженцы расселись по местам: мужчины справа, женщины слева. Мы раздали всем хлеб и туец, сначала женщинам и детям, а потом мужчинам. Африканцы не смогли открыть консервы, никто не догадался потянуть за ключ-кольцо. Бывает, в конце 80-х я тоже не сразу открыл банку немецкого пива из «Берёзки».

Продемонстрировал беженцам, как открываются жестяные коробочки с тунцом. Некоторые заплотировали; не каждый день им встречается человек, владеющий тайной консервного кольца.

Воду суданцы пили из пластиковых бутылок, не дотрагиваясь губами до горлышек.

Между прочим, в Нигерии европейские и американские начальнички дают воду местным рабочим в пакетах, хотя сами при них пьют из бутылок, чтобы показать превосходство над «низшей» расой.

Я смотрел на сыновей Африки и не понимал: «Мы не виноваты, что в Африке война, насилие, голод. Люди не противостали узаконенному злу, а теперь пожинают его плоды. Отравленные злом, бегут в страны, в которых преступления не поощряются. Не знаю, можем ли мы их «очеловечить», имеем ли право вмешиваться в их жизнь? А вот они с лёгкостью смогут довести нас до озверения».

Вскоре, без приключений, мы доставили беженцев до пункта назначения.

Прошёл день, и снова наступила ночь.

Нам сообщили, что бедуины из Египта готовятся переправить на нашу территорию большую партию контрабанды: наркотики, сигареты. Мы расположились в засаде, ждём. Вдруг услышали выстрелы, разорвавшие тишину. Странно, контрабандисты не стреляют и по ним не стреляют, даже во время погони, от которой они уходят на своих мощных джипах.

Мы поспешили на звук. Фонари выхватили из темноты нескольких перепуганных африканцев, оружия у них не было.

Одна женщина что-то говорила и тянула нас за собой.

Мы подошли вплотную к чужой территории. Совсем рядом наблюдательные посты египтян.

Гильад первым заметил лежащего лицом вниз человека с зияющей раной на спине. Женщина металась, выкрикивала какие-то слова, похоже, она кого-то звала.

Гросс перевернул тело несчастного и неожиданно вскрикнул от вида чудовищной картины. Мужчина прикрыл собой маленькую девочку. Пуля из «Калаша» пробила сердце отца и шею его дочери.

Мать билась в истерике, трясла девочку, хватала нас за руки. Но мы не могли вернуть жизнь ребёнку, а вот отнять её у взрослого – вполне в наших силах.

– Их убили на нашей территории. Мы быстро сходим и вернёмся, – сказал Гросс лейтенанту.

– Ты же знаешь, что нельзя, – ответил Гильад.

Мы вернулись в сорванную засаду. Гросс угостил меня сигаретой, теперь можно и покурить. Хамсин ещё не кончился, но голова почему-то перестала болеть.

– Зачем он убил их? – спросил я.

– Не понимаешь? Сукин сын развлекался, он просто развлекался, – в глазах циничного Гросса блеснули слёзы, ведь он тоже отец маленькой девочки.

Разговоров о беженцах я больше не слышал, несмотря на то, что все были правы.

Ребе и рыба

Стою на мосту, ловлю рыбу, подходит ко мне мужчина средних лет, в белой рубашке и черных брюках, обладатель окладистой бороды и вязаной кепки.

– Как много рыбы! – восклицает набожный человек, вглядываясь в морскую гладь. – Вот кто поистине соблюдает заповедь «плодитесь и размножайтесь!»

– Кролики тоже не отстают, – поддерживаю разговор.

– Кролики некошерные. Да сотрется их имя!

Похоже, ребе с юмором. Посмотрел на его серьезное лицо, нет, не шутит.

Конечно, я бы мог рассказать, что «кролики – это не только ценный мех, но и 3-4 килограмма диетического, легкоусвояемого мяса», но не поймет. Промолчал.

– Хочешь, произнесу благословение. И ты будешь одну рыбу за другой вытаскивать? – предложил кандидат в чудотворцы.

Тоже мне Иисус Христос выискался, но я за любой шухер, кроме харассмента.

Ребе пошептал, попытался плюнуть святой слюной в море, не попал: похоже, каббалист, познавший все сфироты, не знаком с поговоркой, запрещающей плевать против ветра.

– Теперь забрасывай! – с воодушевлением воскликнул потенциальный мессия.

Забросил. Потянуло сразу на дно, удочка перегнулась, подсек. На леске болтался одинокий поплавок. Рыбина оторвала, вернее, перекусила крючки и грузило.

– Ты видишь! Ты видишь! – заорал ребе. – Говорил тебе!

– Вижу, что это абунавха*, да сотрется ее имя! – вздохнул я.

Теперь снасти менять. Спасибо тебе за благословение, святой человек!

** Абунавха – иглобрюх, родственница ядовитой рыбы фугу, водится в Красном море и перебралась в Средиземное. Употребление ее в пищу крайне опасно из-за содержащегося тетродотоксина, который представляет собой сильнейший природный яд нервно-паралитического действия. При попадании в пищеварительный тракт он вызывает сильнейшие боли, конвульсии и обычно приводит к смерти.*

Арабская Джульетта

Она плохо говорит на иврите, но слово «хара» (дерьмо) знает прекрасно, постоянно его повторяет, тем более оно заимствовано из арабского языка.

Ей двадцать пять лет, невысокого роста, носит плотные черные брюки, обтягивающие стройные ноги, короткую кофточку с длинными рукавами. Её плоский животик украшает блестящий камешек.

Амалия очень любит смеяться, рассмешить её несложно, вот только когда она улыбается, её глаза по-прежнему остаются подозрительными и настороженными.

Увидев меня в магазине, она протянула ладошку для рукопожатия и заговорщицким тоном сказала:

– Покурим.

Мы вышли во двор.

– Через полгода обручение, – она показала фотографию своего суженого.

– Симпатичный, – сказал я. – Хороший человек? Любит тебя?

– Хороший. Наверно, любит, но я не люблю его. Мне он неприятен, особенно когда касается меня. Короче, хара! – Амалия крепко сжала губы.

– Зачем собираешься за него замуж?

– Арабские женщины не решают свою судьбу, – спокойно и с достоинством ответила Амалия.

– А кто решает? Ты ведь взрослая, самостоятельная, зарабатываешь, – я немного удивился.

Мне казалось, что эта девушка живёт обычной жизнью светского человека.

– За нас решают мужчины. Хара! – она снова произнесла своё любимое ругательство.

– Нельзя выходить замуж не по любви! Ты будешь несчастлива. Ты любила когда-нибудь? Знаешь, что это такое? – похоже, я влез не в своё дело.

– Конечно. Я уже пять лет встречаюсь с парнем, которого очень люблю. И он любит меня.

– Почему не выходишь за него замуж? – я удивился ещё больше.

– Это невозможно. Наши семьи враждуют. Старший брат нашёл мне жениха.

– Жених знает, что ты любишь другого?

– Рассказала... простил. Теперь приходится терпеть его поцелуи. Он обещал никому не рассказывать, что я уже не... , ну, ты понял.

Я кивнул.

Действительно хара!

Амалия засмеялась.

Ты продолжаешь встречаться со своим любимым? – осенило меня.

Да! Только очень боюсь. Узнают – убьют и меня и его. Короче, хара.

– Ты же можешь сбежать или переехать в другой город!

– Однажды я убежала, в Эйлат, несколько дней жила по-настоящему, братья меня нашли, привезли домой, избили, заперли в комнате, неделю не могла никуда выйти. Пригрозили, что запрут меня пожизненно, если буду позорить семью и не выйду замуж.

– Ты из религиозной семьи? – спросил я, будучи уверенным, что именно в этом причина злоключений Амалии.

– Мать религиозная, отец и братья – нет, – ответила девушка.

– Не понимаю...

– У арабов так. Женщина не имеет права решать свою судьбу. Хара! – Амалия закурила ещё одну сигарету. – У меня есть соседка, из религиозной семьи. Отец умер, её жизнью рас-

поряжаются братья. Ей тридцать лет, а она ни разу не выходила на улицу, братья сказали ей, что по улицам гуляют только проститутки, если ослушается, её прибьют. Она готовит, стирает, убирает дом. Хара!

Я замолчал, обдумывая слова.

– Но ведь это неправильно, – робко сказал я. – Неужели нельзя ничего изменить?

– Нет! Ничего! Я выйду замуж за назначенного судьбой. Я могу лишь просить у Аллаха, чтобы он дал мне сыновей. Я не хочу, чтобы мои дочери стали рабынями. Наши законы – хара!

Я покачал головой, ещё не так давно и наши законы в отношении женщин были точно такой же харой.

А ещё я хотел ей рассказать о Ромео и Джульетте, но вовремя одумался, всё-таки «живому псу лучше, нежели мёртвому льву».

Свежий ветер избранных пьянил

Гийора просматривал на своём мобильнике анкеты сайта «Десять благословений», так как в его «кашерный» китайский смартфон была встроена программа блокировки контента, оскорбляющего чувства «харедим»*.

«Ализа – 23 года, из религиозной семьи, домохозяйка, мать трёх прелестных малышей; ищет заботливого, доброго, материально обеспеченного, до 30-ти лет, преуспевающего в изучении Торы».

– Рам, глянь на неё. Ну и запросики, – присвистнул Гийора.

– Такая юная, а уже многодетка. Ты ей не подойдёшь, ну разве только по последнему пункту, но мне кажется, что в списке требований к кандидату он не самый главный, – предложил я.

– А вот эта? Смотри, какая красавица!

Перечень претензий был почти таким же, только возрастной ценз повышен до сорока лет, но обязательным условием дамы являлось наличие высшего образования.

– Для того чтобы претендент на счастье соответствовал её культурному уровню. Прикинь! – возмутился хасид.

– Культура – не иудейское понятие, а эпикурейское! Нам не культурные нужны, а верные заповедям Торы! Шляпку носит, а под ней религиозности не видать! Давай, я сам тебе найду! – предложил я.

Взяв мобильник, стал быстро просматривать анкеты. Почти все женщины на фотографиях были довольно милыми, со следами лёгкого фотошопа на лице. Претензии религиозных дам и светских девушек почти ничем не отличались, ну разве скромностью аватарок и статусами на «стене», цитатами из святых книг. Мне особенно понравился статус из «Шулхан-Аруха»: «Если жена находится в той же комнате, мужу можно уединиться с ней и с другой женщиной, поскольку жена сторожит его».

– Посмотри, какую прелесть нашёл!

– Я с нею знаком, – сказал Гийора, мельком взглянув. – Она живёт с подружкой, приглашала в гости.

– Сразу домой без предварительных трёх свиданий? – мне стало любопытно.

– Говорит, что понравились мои фотографии. Прямо чуть ли не влюбилась.

– А что с подружкой? Они вместе живут, потому что в Тель-Авиве дорого? – поинтересовался я, хотя в голове промелькнула скверная догадка.

– Не только... – замялся мой товарищ.

– Пикантно. Ну, а ты что? На твоём месте хотели бы оказаться многие.

– Я ищу серьёзную связь, да и дорого они хотят, лишних денег у меня нет. Шучу, шучу. Деньги есть.

– Однако... – только и мог вымолвить я.

– Реб Давид из Нагарии обещал найти подходящую невесту, а он слово держит. Да и сайт знакомств постоянно пополняется, друзья суетятся. Я уже два года без женщины. Тяжело. Так можно и до греха дойти. Хочешь, историю расскажу про божий промысел?

– Конечно, – обрадовался я. – С божьими людьми происходят божественные истории. Нет никаких случайностей, так как жизнь хасидов регламентирует лично Создатель.

– Хотели меня познакомить с одной молодой и бездетной девушкой, которая год назад хазра битшува**. Узнав, что я – гер*** отказалась от шидуха****. И вот однажды мы оказались в одной компании. Она заметила меня, попросила о встрече, но не знала, что я гер. Через парочку свиданий понял, что девушка меня не привлекает. А она будто с ума сошла,

пишет сообщения по двадцать раз на дню, просит о встрече. Ну, я и выдал ей, что я еврей по папе и принял иудаизм несколько лет назад.

– И? – я рассмеялся. Поистине, у Провидения всё в порядке с юмором.

– Ей уже было всё равно. Пришлось сказать прямо, что искра не промелькнула. Она очень расстроилась, заплакала, – вздохнул Гийора. – Не люблю обижать отказом женщин. Ребе, правда, про искру не понял, сказал, что жениться нужно по духовному расчету, а не следовать дурному началу.

– Ребе может быть и прав, но жизнь без влечения то же самое, что и пресная пища. Ты, как наполовину восточный человек, с опытом в любовных делах, должен это знать.

Прошло несколько дней, я снова увидел своего приятеля. Лицо его сияло как у Моше, получившего синайское откровение, вот только хасид не думал прятать своей радости.

– Познакомился с девушкой, мы по телефону проговорили полночи, договорились о встрече. Посмотри, какая хорошенькая! Всё, как мне нравится, просто идеальная!

– Давно разведена? – спросил я, глядя на фото действительно очень привлекательной девушки, на скромно прикрытых коленках которой сидел трёхлетний ребёнок.

– Года два назад. Сегодня у нас свидание на берегу моря, прислала фото пива, что взяла для меня. Говорит – хорошее, – Гийора протянул старый запасной мобильник, в который была встроена программа для обмена текстовыми сообщениями и изображениями.

Я взглянул на фотографию:

– Креплёное пиво – коварная штука. Ты допускаешь, что у вас может что-то произойти?

– Ты что? Это запрещено! – сказал товарищ, но как-то неуверенно.

Ожидания не разочаровали Гийору. Семи выглядела точно так же, как на аватарке, и даже лучше. До поздней ночи они сидели на морском песке, пили алкоголь, закусывали чипсами. Обнялись без всякого помысла, чтобы согреться. А потом их накрыла волна. Да что волна?! Цунами! Окружающий мир перестал существовать. Не было больше никаких правил, законов, условностей, только жар девичьих ненасытных губ и дрожащее от страсти и желания тело. Семи врывалась своим гибким языком в рот Гийоры, хватала зубками его язык и нежно прикусывала, её длинные пальчики проникли под малый талит и царапали спину хасида.

Гийора хотел всю её без остатка, совершенно не думая, что за ними могут подсматривать, но Семи закрывала своими крепкими ножками путь в пещеру с сокровищами. Мужчина на мгновение замер, сдерживая позыв закончить игру. В его ушах набатом стучали мощные, непрерывные удары крови.

Кипа валялась на песке, он её подобрал, отряхнул.

– Что это было? – дрожащим голосом спросил он.

– Любовь. Поехали ко мне. Дети сегодня ночуют у отца.

– Ты это всем рассказываешь, включая своего раввина? – спросил я, после того как растерянный Гийора закончил рассказ о своих любовных приключениях.

– Пока ещё нет, – ответил товарищ, извлекая сигарету из купленной в Умани пачки. – Запах вишни, – сказал он, надкусывая фильтр, в котором находилась ампула с ароматизатором. Воздух свободы опьянил хасида...

Что теперь будешь делать? Почему ты расстроен? Всё же хорошо.

– Не всё хорошо, наоборот, всё очень плохо. Понимаешь, она меня обманула!

– У неё не двое, а трое детей? – пошутил я.

– Если бы! Семи – не религиозная! Она не соблюдает шабат! Представляешь? Я остался у неё на субботу, а она как ни в чем не бывало пользовалась мобильником!

– Ужасно! – я не мог сдержать улыбки. – Тогда зачем ты ей? Для чего маскарад?

– Говорит, что большинство её клиентов из религиозной среды, для неё закрытая одежда просто униформа, а у самой в шкафу: джинсы, шорты, мини-юбки, сексуальное бельё и даже наручники.

– А чем она занимается?
– Маркетингом. У неё шикарная квартира недалеко от моря.
– Что теперь будешь делать? – впрочем, это был лишний вопрос. Побежит к равнине каяться и просить совета, который тоже нетрудно угадать.
– Надо посоветоваться, – промямлил Гийора.
– Моё мнение тебе не нужно, но я вижу твоё будущее. Ты бросишь её, потому что твой ребе не позволит быть со светской, так как знает, что Семи собьёт тебя с пути праведности в развратном Тель-Авиве.
– Уже сбила... – выдохнул дымом хасид.
– Ну а потом тебе найдут невесту, – продолжил я. – Не слишком красивую, но не уродину. У вас будет свадьба, на которую, извини, я не приду. А после хупы вы взойдёте на брачное ложе. Будет неплохо, но и нехорошо, и вот тогда, мой друг, ты поймёшь, что потерял.
– Спасибо за искренность, может быть и такой расклад, Но это путь праведности, путь хасида, который следует зову не плоти, но духа и живёт по заповедям Господним. Извини, мне пора идти в йешиву учить Тору.

Гийора крепко пожал мне руку, поцеловал свою в знак уважения и уверенной походкой зашагал прочь, а я остался сидеть в парке на лавочке.

Похоже, грех возвысил Гийору, вернее отказ от греха. Ну и пусть, может он и прав, кто я такой, чтобы спорить с мудрецами, знающими цену каждой вещи под солнцем.

Скоро наступит израильская зима, с завывающим ветром, проливными дождями, короткими днями и долгими ночами, в которые так приятно лежать в обнимку с любимой женщиной или хотя бы с некашерным, но почему-то волшебным котом.

В памяти всплыли строки из песни Высоцкого:

«Свежий ветер избранных пьянил,

С ног сбивал, из мертвых воскрешал

Потому что если не любил – Значит, и не жил, и не дышал!»

Я не знаю, правильные ли я читал в детстве книги. Наверно, счастье не в счастье, а в отсутствии страданий, но мной овладела грусть, точно такая же, как после посещения кладбища.

* Харедим – трепещущие (перед Господом), ультраортодоксы.

** Хазра битшува – вернулась к вере.

*** Гер – прозелит (нееврей, принявший иудаизм).

**** Шидух – сватовство.

Йогурты

Вот уже неделю не умолкал дождь. Скучные, пасмурные дни сменяли один другой. Постоянно хотелось спать, поменьше двигаться и не выходить из казармы. Уже в третий раз перечитываю Швейка, выбираю самые смешные отрывки из походов бравого солдата. Через несколько часов снова придёт заль в мокрой траве самарийского холма, дрожать от холода, вслушиваться в тишину и спрашивать себя: «Зачем я здесь?» Швейк бы ответил: «Чтобы защитить себя». Логично.

Мне казалось, что кормили нас неплохо: мясо, овощи, пшты, тхина, кофе, чай, какие-то крекеры. Однако не все товарищи были со мной согласны. Израильский резервист готов терпеть отвратительную погоду, недосып, сырость и даже насморк, но только не плохое питание.

Недовольство приняло форму стихийного бунта.

– Я уже покакать два дня не могу, пытаюсь, тужусь, но ничего не выходит. Без кефира у меня запор, – жаловался Шмүлик.

– Не желаю видеть вашу пресную, ашкеназскую еду. Трудно куркумы, базилика, паприки в салат добавить? Как вы, убогие, живёте без острого, красного перца? А где петрушка, где кинза?! – орал смуглый Меир.

На крики сбежалась вся база, некоторые оставили наблюдательные посты.

– Уже три дня сидим без «милки», «джели», даже шоколадную пасту стали выдавать одну на два стола. И не привозите мне клубничные йогурты, я люблю ананасовые! – кидался с кулаками на интенданта рыжий кибүцник. Командир базы бесстрашно выступил вперёд, сложил пальцы щепотью (рэга), попросил тишины:

– Ситуация такая. Поставщики, тыловые крысы, боятся пробираться к нам под обстрелами. Но не надо кипеша, я уже высылаю в ближайшее поселение взвод солдат в сопровождении танка. Обещаю, йогурты к ужину будут...

И посмотрев на рыжего, добавил: «ананасовые тоже».

Верблюд

Израильско-египетская граница. На одной стороне дороги мы, на другой – они. И где-то посередине выходцы великой и страшной Аравийской пустыни, цыганообразные бедуины. Гордые созерцатели ночных звёзд, равнодушные к постоянно меняющейся моде, бедуины верны своей белой тунике и куфие уже тысячи лет. Вот только бродить по пустыне и смываться после набега удобней в кроссовках.

Демократические преобразования также обошли стороной уклад древних племен. Шейхов не выбирают – шейхами рождаются.

Бедуины безошибочно определяют заминированные участки на своей территории. Кстати, благодаря чутью одного из сынов пустыни, который заметил замаскированную мину, автор этих строк вполне живой, при всех своих конечностях, сидит и подшучивает над гордым народом.

По примятой травинке, надломанной веточке, фантазия, помноженная на интуицию и дедуктивный метод, воссоздаёт вполне осязаемое прошлое.

Однако не кочевники герои моего рассказа, а *Camelus dromedarius*, по-нашему – одногорбый верблюд, верный, незаменимый друг обитателей пустыни. Бедуины эксплуатируют своего друга по полной. Верблюд – транспортное, гужевое средство, источник молока, мяса, шерсти, и даже умирая, завещает свою шкуру порезать на ремни. Забыл добавить: нашему герою и своего помета не жалко, пользуйтесь на здоровье, отапливайте шатры.

К нам на армейскую базу повадилось лицо знаменитого табачного бренда. Впрочем, какое там лицо, морда, причём наглючая. Ребята его жалели, подкармливали хлебом, овощами, давали водички. Вскоре дромадер стал проявлять свой капризно-свирепый нрав. Уже от морковки нос воротит, хлеба мало принесли, вода не из того ведра. Когда ему не нравилось угощение, кэмел орал, плевал в своих кормильцев и норовил укусить. Мы призадумались, как быть в такой сложной ситуации? Все знают слова мудрого Лиса про ответственность за тех, кого... Но позволить какой-то скотине терроризировать военный лагерь? Потомки царя Соломона приняли решение в стиле своего предка: в ворота одногорбого не впускать, но продолжать кормить, через забор. Однако мы забыли, что верблюд бедуинский, поэтому умеет сливаться с окружающей средой и терпеливо сидеть в засаде. Как только ворота открывались, он со всей своей пятисоткилограммовой дури, словно спринтер, мчался в образовавшуюся брешь, сметая на своём пути все преграды. И порезвее испанского быка, сбежавшего с корриды, со страшным криком преследовал несчастных двуногих. Терпению пришёл конец, да и слыхано ли, чтобы какой-то парнокопытный так издевался над хорошо вооружёнными людьми.

– Застрелить, гада! – кричали потерявшие терпение представители израильской военщины.

Командир, впрочем, права на отстрел взбесившегося зверя не дал:

– Верблюд, он хоть и сукин сын, но он не наш сукин сын. Не имеем права. Предлагаю найти его хозяев.

– И их пристрелить? – оживился вернувшийся из отпуска сержант Гросс, брезгливо вытиравший мокрой салфеткой оплеванную парадную форму. Офицер в ответ лишь вздохнул.

На переговоры с хозяевами пустыни отправили самых сдержанных и воспитанных солдат.

Нас принял шейх, предложил кофеёк с кардамоном, томящийся на маленьком огне часов десять кряду. Хотя это не кофе, а самая жестокая проверка сердечно-сосудистой системы. После такой чашечки от шума ударов собственного сердца можно оглохнуть. Выслушав суть дела, патриарх развёл руками:

– Я не знаю, чей это верблюд.

– Если он не ваш, значит мы его пристрелим. Отомстим за искусанных и затоптанных товарищей, – обрадовался мстительный Гросс.

– Шейх, мы пришли, проявив уважение. На задней ноге верблюда ваше тавро. Реши проблему, и никто не умрет, – произнёс я с вежливой улыбкой. Патриарх посмотрел на меня своим колючим взглядом, еле заметно кивнул головой и прикрыл веки.

Аудиенция закончилась.

Прошло несколько спокойных дней. Всё как обычно: засады, погони за контрабандистами, сопровождение суданских беженцев. Жизнь текла размеренно и благородно, как и положено в пустыне. И вот снова появилось оно, измученное, еле передвигающее ноги животное, и жалобно засунуло в проём ворот обиженную морду.

Я подошёл к нему: «Ну, что брат, вижу досталось тебе. Сам виноват. Стоять здесь и не шалить, сейчас принесу хлебушка».

Бедуин

На Ближнем Востоке у нас немного друзей. Вернее, меньше, чем немного. А те, кто есть, не друзья, а союзники. Союзы, например, с бедуинами, держатся на взаимовыгодных условиях. Государство Израиль предоставляет бедуинам особые социальные условия, медицинское обслуживание, возможность получения высшего образования. Сыны пустыни дают стране лучших следопытов, разведчиков, проводников (примерно четверть бедуинов служит в армии, в боевых частях на добровольных началах), а также наркотики, сигареты и, до недавнего времени, беженцев из Африки и проституток из бывшего Союза.

Бедуинский народ состоит из племён и кланов, разительно отличающихся друг от друга. Северные бедуины по укладу жизни, традициям и культуре совершенно не похожи на южных. Разница примерно такая, как между ашкенáзами, евреями-выходцами из Европы, и сефáрдами – тоже евреями, но выходцами с Ближнего Востока.

Однажды в армии я увидел, как мне показалось, «нашего» человека – коренастого, светлокожего, русого, спокойного тридцатилетнего лейтенанта.

На радостях я подошёл, заговорил с ним по-русски. Он извинился и с арабским акцентом на иврите сказал, что к сожалению, не говорит на языке Чехова.

Он рассказал про свою семью: двух жён, троих детей. Не спешите его осуждать. Да, у него две жены, но ни одной любовницы не было и не будет. Нравится женщина, можешь ей построить дом или отдельную комнату – женись! Чем больше жён, тем выше социальный статус. На вопрос: «Возьмёшь ли третью?» лейтенант переменился в лице: «Хас вехалила! (Ни в коем случае). В доме нездоровая конкуренция. Здесь я всего одну неделю, слава Создателю, а дома – целых семь дней!».

Салам обычно держался от всех поодаль, его сторонились, он делал вид, что ему безразлично. Но мне он всегда улыбался, чувствовал уважение и искреннюю симпатию. При встрече бедуин двумя руками крепко сжимал мою ладонь.

Какое-то время он не появлялся, а время было беспокойное, интифада в самом разгаре. Бедуины, как правило, на самых опасных заданиях.

Вскоре я узнал, что Салам тяжело ранен – подорвался на самодельной мине. Теперь за ним ухаживают две жены-красавицы (судя по их огромным блестящим глазам), каждой из которых он построил дом или комнату.

Замкнутое пространство

Иногда вспоминаю сказочные ночи Самарии. Пейзаж, словно сошедший с самой знаменитой картины Ван-Гога. Ультрамариновое небо закручивается в спираль, пульсирующие звёзды и луна подают знаки, которые мы не в силах понять. А вдали угадываются очертания тревожно замершего посёлка.

Наши далёкие предки, спасаясь от духоты жаркого лета, поднимались на плоские крыши и смотрели в тёмные бездны бескрайнего неба. Они следили за движениями колесниц звездного воинства, неисчислимыми стадами облаков и высматривали небесного Пастуха, надеясь получить от Него благословение...

В полночь нас привезли к блокпосту, окружённому забором из колючей проволоки. Внутри возвышалась шестиметровая башня.

«Идите наверх. Следить внимательно. Ни при каких обстоятельствах не спускаться вниз, не подниматься на крышу. Ребята из ШАБАКА сообщили, что появился снайпер и пока его не нашли – надлежит быть крайне осторожными. Обзор неполный, поэтому слепая зона может быть заминирована. Через 5 часов вас сменят. Связь как обычно».

По внутренней лестнице мы поднялись в небольшую комнату с двумя маленькими оконцами, зарешечёнными металлическими прутьями.

Мой напарник, с которым я практически не был знаком, беспокойно осмотрел давящую камеру.

– Мёр, – протянул руку солдат. – Офицер полиции, капитан. Живу в Беёр-Шёве.

Я назвал своё имя и пожал его холодную ладонь.

Впереди ещё вся ночь, за разговором время летит быстро. Правда, я умею целыми днями молчать и часами сидеть, неподвижно уставившись в одну точку. Но марокканский еврей Меир совсем другой: беспокойный и вёрткий.

Он сбивчиво рассказывал о своей жене, о двух маленьких девочках, без которых не может жить, вытащил из кошелька их фотографию, показал.

Я видел, что с Меиром происходит неладное. Руки его подрагивали, голос дрожал, он судорожно пытался втянуть густой воздух, шлёпал ладонью себя по груди, подходил вплотную к окошку и жадно дышал.

Вдруг он закричал:

– Стоять! Что ты тут делаешь?!

Похоже, у нас гость.

– Я живу здесь. Возвращаюсь с работы. Жена и дети дома ждут, – на ломаном иврите сказал палестинец.

– Жди до утра! Блокпост закрыт! – объяснил капитан.

Палестинец мне не понравился, что-то не так. Сумки нет, одежда модная, внимательно смотрит по сторонам. Обычно местные спорят, ругаются, а этот тихо ушёл в темноту. Может, у меня паранойя, ведь мы не пустили молодого отца к жене и детям.

Тем временем Меиру стало совсем плохо, он постанывал и бил кулаками в тяжелую стену.

– Что с тобой? – спросил я.

– Всё давит, у меня боязнь замкнутого пространства. Чувствую, ещё немного и сойду с ума. Попроси помощи.

Связался со штабом, объяснил ситуацию, не помогло, на другом конце провода ответили: «Через два часа вас сменят. Терпение».

Меир осветил фонариком потолок камеры, приставил лесенку, щелкнул задвижкой.

– Нельзя высовывать голову, – напомнил я ему. – Возьми хотя бы каску.

– Мне всё равно, терпеть уже невозможно.

Капитан подтянулся на локтях и лёг спиной на крышу.

– Здесь так красиво! Посмотри на эти алмазные звёзды. Какое счастье! Шма, Израэль! – восторгался капитан и благодарил Бога.

Выстрела я не услышал, только глухой стон, и пару судорожных ударов армейским ботинком по бетонной крыше.

Я втащил Меира обратно в бункер, снайпер вложил в несчастного капитана ещё пару пуль, одна из них оцарапала мне палец.

Сообщил по рации.

«Принял. Конец связи», – сухо треснула трубка.

Скоро придёт помощь, но мёртвому уже ничем не помочь.

«Эх, капитан, ты хотел свободы, ярких звёзд под открытым самарийским небом, а получил пулю в голову. Возможно, ты успел увидеть Небесного Пастуха, который забрал к себе ещё одну заблудшую овцу дома Израиля»

Тот, который не стрелял

Иногда самодовольно думаю, что кровавые мальчишки не тревожат мой душевный покой и мне не нужно обращаться к психологу, а всё потому, что три года назад не нажал на курок...

Однако не будем забегать вперёд.

Свежее самарийское утро не омрачили даже бензиновые испарения автозаправки, на которую мы заехали прикупить всё, что радует солдата: холодную колу, шоколад, сигареты.

Не успели выпить кофе, как началась какая-то сумятица, бородатый человек в вязанной кипе что-то кричал и держался за плечо.

Мгновенно лязгнули затворы, щёлкнули предохранители автоматов, наставленные на испуганное пятящееся создание, выронившее столовый нож.

«Нет проблем. Сейчас возьму его...», – я не успел договорить. Одиночные выстрелы из трёх стволов превратились в канонаду, обжигающие гильзы выпрыгивали в разные стороны.

Смуглый парень рухнул на тощие колени, упал вперёд и перекатился на спину, неестественно подломив под себя руки, на его потрепанных джинсах вокруг паха образовалось мокрое пятно. Мертвые глаза непонимающе смотрели в небо.

– Зачем? Зачем? – мой вопрос был риторическим.

Лейтенант Вайсман криво улыбнулся и немного виновато пожал плечами. Сослуживцев стало не узнать, они были возбуждены, глаза горели, а кое-кому даже хотелось продолжения приключений.

Вечером я сидел один неподалеку от казармы, молча курил. Подошёл Вайсман, попросил огня.

– Ты не понимаешь, потому что здесь не родился, без обид, брат мой. Ну взяли бы его, отсидит пару лет, а потом его выпустят, и он снова будет резать людей.

– С каких это пор ты стал судьёй и палачом одновременно? Если есть возможность не убивать – не убивай. Не ты дал жизнь и не тебе её отнимать, – как можно спокойней сказал я.

– Он террорист, взял в руки нож – кровь его на голове его. И только уничтожая таких, как он, мы здесь сможем выжить и удержать землю.

– Вы опираетесь на меч ваш, делаете мерзости, и хотите владеть страной? Так говорил иудейский пророк Иехезкиэль, взывавший к милосердию.

– Если мы когда-нибудь и потеряем государство, то только из-за таких чистоплюев, как ты, – лейтенант яростно отбросил окурки. – С ними по-другому нельзя. Террорист не должен жить!

– Если бы он был в кипе, уверен, ты не стрелял бы на поражение.

Вайсман задумался, помолчал немного и ответил:

– Мир делится на своих и чужих, своих нельзя убивать, но тебя бы я пристрелил, – потом улыбнулся и весело мне подмигнул.

В пачке, купленной на злополучной заправке, ещё было несколько сигарет, «значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день». Осталось только купить билет «на самолёт с серебряным крылом» и свалить на Гоа. Пусть такие, как Вайсман, охраняют Израиль, который может выжить, опираясь только на меч.

Немного мазохисты

Вершины гор припорошены снегом, холод, как у нас говорят, лисий, и этот жуткий ветер, проникающий в леденеющие жилы. Кофе в термосе давно закончился, и уже плевать на запрет курить, только прячешь от снайперов в рукаве огонек крепких бесплатных американских сигарет.

Ну какие «грязные» в эту плюющую градом ночь на горе Проклятия?

Хотя жаль, что нет «гостей», а то мы пустили бы галопом замерзающие сердца, глядишь и согрелись бы.

У Дмитрия уже прерывистое дыхание, парень хоть из России, а не выдерживает.

– Скажи что-нибудь, – шепчу ему по-русски.

– На..на..на...куй, – выдыхает Дима.

Он дрожит всем телом. Похоже, начинается гипотермия.

Самое главное на войне – не победить, а выжить.

– Снимаем засаду, – я сообщил на базу по рации, впрочем, не сообщил, а поставил перед фактом.

– Идти можешь?

– По..по... пы...пы...та...та... да!

Мы взяли его под руки, он сам килограммов 80 и на нем еще 20, тащим.

Железная птица, сеющая смерть, появилась бесшумно и замерла над нами.

Ракета, и от нас останутся только жетоны, встроенные в армейские ботинки. Страшно? Нет, не страшно. Жутко. Но шевелиться нельзя, пусть смотрят, пусть внимательно смотрят. Каски, «М-16», наплечная рация с антенной.

Вертолет повисел над нами вечную минуту и, поблескивая огоньками, растворился в ночи.

– Я сам, – высвободился Дмитрий из наших объятий.

Через час мы уже принимали, судя по пару, горячий душ, а потом пили израильский чай «Высоцкий».

– Скажи мне, – Дима вновь обрел дар беглой речи. – Почему я, программист, с окладом в 20 тысяч, муж и отец, должен все бросить и пойти служить, а может и подыхать, а они нет?

– Какое тебе дело до них? У них своя судьба, у тебя своя.

– Эти раввинские штучки про судьбу на меня не действуют. Мы здесь гнием месяц, потому что солдат не хватает. Мы тянем лямку за «золотую» молодежь с улицы Шёнкин, за мордovorотов йешиботников. Это несправедливо.

– Ты можешь «закопить», сослаться на семейные обстоятельства или работу. Не проблема, – предложил я.

– Я бы так и сделал, но вам, дебилам, больше дерьма достанется.

– Ну и не ной тогда. Ты здесь, потому что сам этого хочешь.

– Ты серьезно? – удивился товарищ. – По-твоему, я мазохист?

– Все, у кого еще осталась совесть, немного мазохисты.

– Совесть придумали бессовестные люди, – рассмеялся неожиданному открытию Дима. – Кстати, спасибо, что тащил меня.

– Тебе повезло, что мы тоже немного мазохисты. А иначе здесь не выжить.

Прошло несколько спокойных месяцев, раздался звонок, взглянул на экран мобильного: «Dmitriy».

– Привет, дружище, – обрадовался я.

– Привет. Мы уезжаем.

- Далече? – я задал лишний вопрос, и так понятно.
- В Канаду. Возможно, навсегда, – закашлялся Дима.
- Холод тебе уже не страшен.
- Ром, береги себя, давай!
- Давай...

Я понимаю, не осуждаю, но мне стало почему-то зябко, неуютно, несмотря на теплый хайфский вечер.

С нами Бог

Служба по охране поселения с обнадеживающим названием Имануэль (с нами Бог), 2002 год, начало июля.

Такое количество ортодоксальных евреев на квадратный метр, как в этом поселении, мне приходилось видеть только в иешивах, возле стены Плача, да ещё в фильме про раввина Якова с неподражаемым Луи де Финесом. В посёлке на две с половиной тысячи человек: одна школа ХАБАДа, пара частных учебных заведений для мальчиков и четыре общеобразовательных для девочек. Синагоги на любой вкус и оттенок кожи, для смуглых сефардов, хабэдников, и даже белоснежные литваки с меховыми шапками не обижены.

С нами почти никто не разговаривал, на шабат не приглашали, мы для них «гои», хотя на бывшей родине почему-то не ошибались с идентификацией по национальному признаку. Впрочем, один местный диссидент-раввин часто приходил ко мне излить страдающую душу, да и просто поговорить, хоть с кем-нибудь.

Пострадал бедняга по неосмотрительности. Однажды ребе взалкал и зашёл к соседям попросить водички. Главы семьи на беду не было дома, питьки вынесла замужняя женщина, с которой он нарушил, не подумайте, что седьмую заповедь, а всего лишь регламент общения. И как он не доказывал, что задержался на пару минут, в глаза чужой жене не смотрел, все равно подвергся остракизму (не путать с тем, что делают еврейскому младенцу на восьмой день).

Однако от невнимания мы не страдали. Местные внешне вполне зрелые девицы бросали такие жгучие взгляды, от которых мой боевой товарищ Дан краснел, а у меня перехватывало дыхание. Развлечений у девочек кроме футбола никаких, «на травку хочется», а кругом тотальный запрет, вот и выплескивали страсть через очи чёрные и прекрасные. Но мы люди твёрдых моральных принципов, на провокации не поддавались, тем более девицам этим не было и «шешнадцати», потому как к восемнадцати женщины посёлка возятся минимум с двумя детьми и интереса до заезжих гусаров не имеют.

В общем, впечатления замечательные, особенно порадовал «наш человек». Во время утренней пробежки по иммануэльскому бульвару, я услышал крики, резко остановился и на мгновение смутился. Героине эротического фильма с одноимённым названием нашего посёлка, актрисе Сильвии Кристель, следовало бы приехать в Имануэль и взять у местных женщин мастер-класс. Я с трудом удержался, чтобы не заплодировать.

Хотелось бы остановить повествование на возвышенной ноте, которую я нечаянно подслушал, но, к сожалению, не могу погрешить против правды. Мы упустили трёх подозрительных лиц – нам не дали разрешения открыть огонь, преследовать ночных гостей тоже не позволили, а когда прибыло подкрепление было поздно, они ушли.

Через несколько дней, после того как закончился милуим (резервистские сборы), я услышал о страшном теракте, в котором погибли девять человек, включая женщин и детей. Трое террористов открыли огонь по автобусу возле поселения Имануэль...

«О, Эль, лама ло иману, лама азавтану? Боже, почему Ты не с нами, почему оставил нас?»
Может, потому что мы не стреляли?

За Зусмана и государство Израиль

Война не способствует сохранению душевного равновесия, особенно, когда видишь своего товарища со следами грубых швов от смертельных осколков.

Странное зрелище, ещё вчера Зусман веселился, шутил, переживал, что проиграл в карты, даже обещал бросить курить и мечтал познакомиться с девушкой; а теперь он молчит, не шевелится и даже бесплатное пиво его не обрадует.

Старший сержант пехоты Ицхак Левин, молодой человек с нервной конституцией, решил отомстить хизбалонам * за друга.

Любитель фильмов про Рэмбо взял «Негев» **, обмотался пулемётными лентами, намазал физиономию гуталином, и осторожно, чтобы не потревожить спящих на посту товарищей, вышел из армейской базы в тёмную, тёмную ночь.

Ицик пробрался сквозь южноливанскую рощу, поднялся на высотку и прислонил ухо к тишине, в надежде услышать арабскую речь.

Ему повезло, что в принципе неудивительно, он увидел смутные силуэты военных.

Недолго думая, солдат поднялся в полный рост и с криком: «За Зусмана и государство Израиль!» открыл огонь на поражение.

Враги попадали, хотя Ицику показалось, что он не попал, ствол ушёл в вверх, стрельбы как у Сталлоне не получилось. Но ливанская ночь вспыхнула пламенем огня и разорвалась резким грохотом. Ненадолго. Заклинил патрон.

«А!!!», – занервничал старший сержант. Он стучал по пулемету, дёргал затвор, поливал ствол водой и даже скрежетал зубами. Тщетно. Машинка не работала.

И тут, на беду, Левин попал в окружение. Наглецы предлагали ему сдаться.

«Это же надо как на иврите говорят, да ещё с румынским акцентом. Сукины дети!», – обречённо подумал израильский солдат и крикнул: «Евреи не сдаются!»

«Молодчина! Ты нас чуть не пристрелил. А теперь, парень, бросай пулемет!»

В детстве Ицик видел фильм про вечно пьяного усатого таможенника, поэтому ответил хоть и с акцентом, но по-русски: «Пулемета, я вам не дам, гебята!»

Один из переговорщиков рассмеялся и тоже сказал по-русски с точно таким же акцентом: «Таможня даёт добро!»

«Странные хизбалоны пошли, русский тоже понимают», – ещё больше удивился израильский солдат.

– Брат, не стреляй, брат! – голос Ицику показался знакомым.

– Что ты тут делаешь, Мишка? За Зусмана пришёл мстить? – поинтересовался он.

– Хочешь затянуться? – спросил Михаэль. – Ливанская дурь – самая качественная.

– Не. Я подымил пару часов назад, частить вредно, – ответил Ицик, не опуская хоть и бесполезное, но оружие.

– Понятно, – согласился Михаэль, выдохнул кислородный дымок и что есть сил ударил ногой по «Негеву», потом по старшему сержанту.

Через 10 дней Левина комиссовали, психическое состояние солдата не позволяло ему служить в Армии Оборона Израила без риска для себя и окружающих.

Ицик хотел попрощаться с Михаэлем. Не разрешили. Мишка сидел в армейской тюрьме за необдуманные и рискованные действия по разоружению пулеметчика.

* Хизбалон – боевик террористической организации «Хезболла»

** «Негев» – стандартный ручной пулемёт в пехотных подразделениях ЦАХАЛа

Менталист

Вечер. Сквозь отверстия почтового ящика пробивалась белоснежная бумага.

«Кроме рекламы и счетов ничего ожидать не приходится. Письма давно уже никто не пишет. Скоро мы вообще разучимся держать ручку в пальцах».

Нащупал на связке маленький ключик и отпер маленькую дверцу.

В ворохе брошюр, которые немедленно переключали в уже наполненный до краёв ящик для рекламного мусора, я обнаружил плотный конверт.

Приглашение на Бар-Мицву. Тринадцатилетний племянник достиг возраста не мальчика, но мужа, даже без вторичных половых признаков.

Волнительный момент. Надо поддержать ребёнка.

Белая рубашка – есть, галстука давно нет, брюки – прошлый век; джинсы – наше всё, израильяне надевают их на свадьбу, похороны, и уж конечно – в синагогу.

Культурный уровень бывшего витеблянина не позволяет прийти в шлёпанцах, поэтому – кроссовки, можно кеды. Кипа! В шортах в святое место пропустят, а без головного убора – нет. Можно натянуть бейсболку, но лучше одеться по форме, да и обзор должен быть полным, чтобы легче уклоняться от обстрела сладостями.

Суббота. Женщины сидят на балконе и внимательно наблюдают за происходящим внизу; я бы и сам пошёл наверх, но гендерные различия не позволяют.

Мне предлагают талит и заботливо открытый на нужной странице Сидур. Благодарю Бога за святое покрывало и святые шерстяные нити.

Углубляюсь в чтение молитв. За чтением не успеваю, уж слишком частит, зато «Амен!» произношу вместе со всеми.

Торжественный момент – из «Арон аКодеш» (Святого Шкафа) извлекают свиток Торы, украшенный резными набалдашниками, обвитый роскошной тёмно-синей материей, на которой золотым и серебряным шитьём изображены скрижали завета, семисвечники и божьи птички.

Дабы припасть к святыне, религиозные мужчины срываются со своих мест, самые проворные успевают прикоснуться губами к Торе, а менее расторопные целуют свои пальцы, которыми дотронулись до бархатной святой обёртки.

«Интересно, – подумал я. – Правильно ли поступят мастеровые, если вместо работы в знак почтения станут целовать чертёж инженера?»

Сегодня чтение недельной главы под названием «Ки Тавб» («Когда придёшь»): «Когда придёшь на землю, которую Господь, Бог твой, даёт тебе в удел, и овладеешь ею и поселишься на ней...»

«Вот, мы пришли на землю, но скорее не мы владеем землёй, а она нами. Люди всего лишь временные арендаторы». Не успел я задуматься над бренностью бытия, как мой племянник совершил «алию». Мальчик родился в Израиле, но всё равно он «олé», т.е. восходящий к Торе.

Даник бегло прочитал положенный ему отрывок текста; не зря он до этого тайно посещал синагогу, а его мама тайно платила за учёбу.

Я уже был на подобного рода мероприятиях, поэтому знаю, что сейчас начнётся. Словно манна небесная, на молящихся посыпались конфеты. И хотя положено пулять в виновника торжества, хулиганы метили почему-то в раввина и в других почтенных лиц.

Маленькие дети бросились собирать сладости, взрослые не отставали; даже знакомый диабетик, прикрываясь священной книгой, подобрал несколько конфет.

«Прекратить!» – вскричал ребе, водружая на седую голову кипу, сбитую чей-то ловкой рукой.

После окончания торжественной части всех пригласили в синагогальную столовую. Столы ломились от лёгких закусок, красного и белого вина. Старики довольно улыбались. Уважили.

– Рам, почему ты не остаешься? – спросила мама уже подзаконного сына.

– Мне пора.

– Сегодня вечером обязательно приезжай, мы пригласили парня, который сгибает ложки взглядом.

– Менталиста?

Троюродная сестра пожала плечами.

....

На пропускном пункте я показал приглашение. Охранник поднял шлагбаум, путь в элитный посёлок свободен.

Примерно сто поколений назад здесь прогуливался амбициозный царь Ирод, чуть позже – жестокий ставленник Рима Понтий Пилат, а из более приличных людей – апостол Павел и рабби Акива.

Исподлобья, сквозь прорехи облаков, глядело уставшее солнце, готовое сдать пост бодрой луне.

Знойный воздух был наполнен ароматами разнообразных благовоний и запахом жареного на огне мяса. Повсюду раздавался смех детей, резвящихся на изумрудной лужайке.

Фотографы бросались на новых гостей, ослепляя вспышками-ракетницами.

Обнявшись с родственниками и родственниками родственников, я подошёл к барной стойке и попросил налить белого вина, так как приметил в огромной тарелке покрытую ломтиками лимона на вид сочную и аппетитную рыбу.

Взяв в нагрузку пару бутербродов с красной кошерной икрой, несколько пронзённых зубочистками истекающих маринадом тёмно-зелёных маслин, возлёг на скамеечке, облокотившись на украшенные восточными узорами подушки.

Если не хочешь, чтобы к тебе приставали с расспросами, нужно быть занятым и сосредоточенным.

Осматривая местность, я заметил молодого человека, лет двадцати трёх, в белой рубашке, который собрал вокруг себя народ и показывал какие-то трюки. Дети хлопали в ладоши и смеялись, а взрослые недоумённо улыбались и переглядывались.

Отложив тарелку, я подошёл к нему. Молодой человек, с непонятными по цвету, воспалёнными глазами, мельком взглянул на меня.

«Выкладывается парень».

Менталист быстро говорил, щёлкал пальцами, казалось, он превратился в сгусток энергии, огонь, готовый пожрать любую плоть.

– Ты когда-нибудь целовался? – спросил он у виновника торжества.

Мальчик утвердительно кивнул.

– Я могу знать имя этой девочки?

Даник на мгновение задумался:

– Исключено!

– Кто-нибудь может сказать, как её зовут? – допытывался Менталист.

– Никто не знает о ней, – ответил именинник.

– Вот тебе ручка и бумажка. Отойди на несколько шагов и напиши её имя, но так, чтобы никто не видел. Готово? Посмотри на меня, посчитай от одного до десяти, – Менталист внимательно, с прищуром, изучал мальчика.

– Последняя буква «р»? – спросил он.

Мальчик улыбнулся.

– Её зовут Тамар, она старше тебя на два года. Ты большой проказник. Покажи свою бумажку.

Малолетний ловелас показал.

Все захлопали в ладоши, но я не хлопал, так как понял, что передо мной не фокусник, а самый настоящий телепат. Менталист попросил детей принести ему ложки и вилки.

Все разошлись.

Он снова посмотрел на меня.

– Странно, почему ты не ушёл вместе со всеми. Скептик? – спросил Менталист.

– Скорее, наоборот, – я не стал отводить взгляд.

Несколько секунд он сканировал меня. Я чувствовал вмешательство, как будто щупальца проникли в мой мозг и довольно бесцеремонно стали блуждать по его лабиринтам. Мне показалось, что зазвенели барабанные перепонки, туман обволакивал сознание. Сработал защитный механизм, меня накрыло «волной». Возвращались силы...

– Зачем? – тихо спросил он. – Я несу только позитив.

– Ты умеешь управлять людьми, можешь их мысли менять на свои. Не уверен, что это хорошо, – я продолжал смотреть в его глаза. Впрочем, Менталист уже оправился от удивления и его взгляд снова стал доброжелательным и чуть насмешливым.

– Хочешь, скажу тебе имя девочки, в которую ты в первый раз влюбился и до сих пор хранишь вкус её губ?

– Не уверен, что вспомню её имя, а её поцелуй был перекрыт тысячами других, – пошутил я.

– Наш мозг хранит всё, только нужно уметь выуживать информацию из его ячеек.

Я кивнул и сразу почувствовал, как у меня совсем иначе заработала голова: забурлила, нагрелась, насытилась кровью и активизировалась. Я вспомнил не только имя девочки, но исходивший от неё яблочный запах и сладковатый нежный вкус её губ. Отчётливо вспомнил уютную плющом беседку в пионерском лагере, наш почти взрослый разговор, её большие зелёные глаза и как она прикрыла веки, прежде чем поцеловать.

Мне казалось, я возвратился на машине времени на двадцать лет назад, в своё потерянное детство, где всё было в первый раз...

Я очнулся от голоса телепата, смотревшего на меня чуть выше переносицы.

– Ляда! Её звали Ляда!

– Да. Только у нас твёрдое «л». Лада. Её звали Лада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.